

РИМА ЭШВУД

ПЕЧАТЬ ПОСЛЕДНЕЙ
НАДЕЖДЫ

Рима Эшвуд

Печать последней надежды

<https://litres.ru/74367469>

Аннотация

Мир умирает. Магия иссякает. Древние проклятия просыпаются там, где их никто не ждал.

Король Эйдан — не тиран и не чудовище. Он — человек, который десять лет носит в себе голоса всех умерших предков. С каждым днём они звучат громче. С каждым днём он теряет себя. Его замок превратился в склеп. Придворные плетут заговоры. Орден требует сжечь его на костре. Генерал предлагает яд.

Когда надежды уже не осталось, в замок привозят Илану.

Она не воин. У неё нет меча. У неё есть другое: редкий дар, который называют Печатью утешения. Одно прикосновение — и чужая боль стихает. Одно прикосновение — и безумие отступает. Но цена невосполнима. Каждый раз, исцеляя его, она теряет часть себя. Воспоминание. Чувство. Кусочек собственной души.

Все, кто был до неё, сбежали. Или погибли.

Она остаётся.

Не из героизма. Не потому что верит в чудо. А потому что видит за маской безумца того, кто просто устал. Того, кто давно не ждал, что кто-то возьмёт его за руку. Того, кто забыл, каково это — когда тебя не боятся.

Их никто не понимает. Её считают глупой. Его — обречённым. Время на исходе: орден стягивает кольцо, соседи готовят вторжение, а проклятие начинает охотиться на неё саму. Она должна решить: уйти и выжить — или остаться и исцелить его до конца. Даже если за это придётся отдать не жизнь, а нечто большее. Себя.

Это история не о битвах и не о магии. Это история о том, как один человек остаётся рядом, когда все ушли. О тишине, в которой чужой крик наконец стихает. О выборе, который делают не мечом — а ладонью, которая не разжимается, даже когда невыносимо больно.

«Печать последней надежды» — тёмное фэнтези о сострадании на пределе человеческих сил. О близости, которая не требует ничего взамен. О женщине, которая не сдаётся, и мужчине, который забыл, как надеяться.

Содержание

ПРОЛОГ. Клятва Алдара	5
Глава 2. Голос отца	14
Глава 3. Хроника безумия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ПРОЛОГ. Клятва Алдара

Он выбрал зиму.

Не потому, что любил холод. Холод он ненавидел с детства — тот забирался под одежду, кусал пальцы, напоминал, что человек слаб. Но зимнее море было честным. Оно не притворялось ласковым. Оно ревело и билось о скалы так, что дрожала земля, и в этом рёве Алдар слышал правду: ты мал. ты смертен. ты на краю.

Это было именно то, что ему нужно.

Он стоял на обрыве. Ветер рвал плащ — старый, выцветший, с заплаткой на левом плече. Холод пробирался под воротник, стекал по позвоночнику ледяной струйкой. Алдар не кутался. Он смотрел вниз, где серая вода разбивалась о чёрные камни, и думал о том, что через час всё изменится.

Или он умрёт.

Или станет королём по-настоящему.

Сзади кашлянул Эйрик. Летописец. Старик кутался в два плаща и всё равно дрожал. Его дыхание вырывалось белыми облачками и тут же исчезало, растерзанное ветром.

— Может, подождём до весны? — спросил он. Голос дрожал — не только от холода.

Алдар не обернулся.

— Весной я буду мёртв.

— Ты не знаешь...

— Знаю.

Он знал. Знал уже две недели — с тех пор как разведчики нашли эту бухту. Каждую ночь он видел один и тот же сон. Чёрная пещера. Чёрный камень. И голос, от которого кровь сворачивалась в жилах, а сердце начинало биться медленнее, словно готовилось остановиться.

Он не боялся смерти. Он боялся другого — что умрёт, не закончив начатого.

Земли, которые он собирал по кускам последние десять лет, снова расколются. Люди, которые называли его королём, снова возьмутся за оружие — но теперь друг против друга. Его сыновья — те, кто выжил, — не удержат власть. Потому что власть без силы — это просто слово.

Сила. Настоящая. Та, что старше мечей, старше крепостей, старше самой идеи королевства.

Она была здесь. В этой бухте. В этой скале.

Он чувствовал её.

— Пошли, — сказал он.

И начал спускаться.

Ступени были скользкими. Не от воды — от льда. Брызги, долетавшие до скалы, замерзали на камне тонкой коркой, прозрачной и предательски гладкой. Алдар спускался быстро, не глядя под ноги — он знал дорогу. Знал, где камень выщерблен, где ступень уходит вниз круче, чем кажется. Он

не помнил, откуда это знание. Наверное, из сна.

Эйрик кряхтел сзади. Один раз старик поскользнулся и схватился за стену. Алдар услышал, как ноготь скребнул по камню, и остановился.

— Осторожнее. Тут ещё тридцать ступеней.

— Я не дойду, — выдохнул Эйрик.

— Дойдёшь. Ты должен записать.

— Что записать? Мою смерть?

— Если потребуется — и её.

Он не шутил. Эйрик это понял и замолчал.

У входа в пещеру Алдар остановился. Трещина в скале была узкой — плечи едва проходили. Из глубины тянуло холодом. Нет, не холодом. Чем-то другим. Чем-то, от чего волосы на руках вставали дыбом, а дыхание становилось поверхностным, как перед прыжком в ледяную воду.

— Здесь? — прошептал Эйрик.

— Здесь.

Алдар протиснулся внутрь.

Пещера встретила его тишиной.

Не обычной тишиной — не той, что бывает в пустой комнате или в лесу перед рассветом. А глубокой, плотной, как вода на глубине. Грохот волн остался снаружи, за каменной стеной. Здесь не было ветра. Не было звука. Только темнота — и то, что в ней спало.

Алдар зажёл факел.

Пламя вздрогнуло. Сжалось. Стало синим — не жёлтым,

не оранжевым, а бледно-синим, как вены на запястье. Воздух в пещере был спёртым, но не затхлым. Он пах солью и временем. Так пахнет земля, которую не тревожили тысячу лет. Так пахнут могилы, в которые никто не приходит.

В центре пещеры лежал алтарь.

Просто плита. Чёрный камень. На первый взгляд — ничего особенного. Но чем дольше Алдар смотрел, тем яснее понимал: камень смотрит в ответ.

Поверхность была гладкой, как зеркало. В ней отражался огонь факела — но не только. Было что-то ещё. Что-то под поверхностью. Оно двигалось. Медленно. Тяжело. Как будто огромное существо переворачивалось во сне на другой бок.

Эйрик вжался в стену у входа. Алдар слышал его дыхание — частое, рваное, как у загнанного зверя.

— Не подходи близко, — сказал он, не оборачиваясь. — Просто записывай.

— Что... что записывать?

— Всё. Каждое слово. Если я закричу — запиши и это.

Он подошёл к алтарю. Остановился на расстоянии вытянутой руки. Сердце билось ровно — он проверял. Страх не было. Было что-то другое. Ожидание. Так ждёшь удара, когда знаешь, что он неизбежен, и уже почти хочешь, чтобы всё случилось быстрее.

Он опустил на одно колено.

Камень пола был ледяным. Холод просочился сквозь ткань штанов и кольнул коленную чашечку острой иглой.

Алдар не пошевелился. Он медленно, как входят в воду, положил ладонь на алтарь.

Камень был холодным. Холоднее льда. Холоднее смерти. Холод обжёг ладонь и тут же начал подниматься вверх — по запястью, по предплечью, к локтю, к плечу. Это было похоже на то, как затекает отмороженная рука — только боль не притуплялась, а нарастала.

Алдар не убрал ладонь.

— Я пришёл, — сказал он. Голос прозвучал глухо. Слова упали в тишину и исчезли.

Ничего.

Он ждал. Холод добрался до сердца. Сердце сбилось с ритма — раз, другой, третий. Потом выровнялось. Потом снова сбилось.

Алдар смотрел в чёрную гладь алтаря. Его лицо отражалось в камне — но искажённое, как в кривом зеркале. Глаза глубже, чем на самом деле. Скулы острее. За его отражением, в глубине камня, что-то шевелилось.

ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ?

Голос пришёл не через уши. Через кости. Через зубы. Алдар почувствовал его челюстью, грудной клеткой, позвоночником. Каждое слово было вибрацией, от которой ныли корни зубов и тяжелел язык.

Он не закрыл глаза. Ему говорили: закрой. Не смотри. Так легче. Но он знал — если закроешь, они возьмут больше. Всегда берут больше, когда ты не смотришь.

— Мне нужна сила, — сказал он. — Чтобы объединить земли. Чтобы основать королевство. Чтобы мои потомки правили, и никто не мог оспорить их власть.

ТЫ ПРОСИШЬ НЕ СИЛУ. ТЫ ПРОСИШЬ ВЛАСТЬ.

— Это одно и то же.

НЕТ. СИЛА — ЭТО ТО, ЧТО ТЫ НОСИШЬ В СЕБЕ. ВЛАСТЬ — ЭТО ТО, ЧТО ТЫ ЗАБИРАЕШЬ У ДРУГИХ. НАЗОВИ ЦЕНУ ЗА ВЛАСТЬ.

Алдар знал, что скажет. Он приготовил эти слова две недели назад. Но сейчас, стоя на коленях перед чёрным алтарём, с холодом в крови и чужим голосом в костях, он вдруг понял их вес.

— Кровь мою, — сказал он. — И кровь моих детей. И кровь их детей. Пусть они правят тысячу лет. А когда придёт срок — явится тот, кто всё закончит. Кто отдаст королевство обратно. Не наследнику. Земле. И народу. Тогда вы освободите нас.

Тишина.

Долгая. Бесконечная. Такая глубокая, что Алдар услышал, как бьётся сердце Эйрика у входа — быстро, неровно, как птица в кулаке.

ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ПРОСИШЬ?

— Понимаю.

ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО НЕ СМОЖЕШЬ ОТКАЗАТЬСЯ? ЧТО КАЖДЫЙ ТВОЙ ПОТОМОК БУДЕТ СВЯЗАН?

— Понимаю.

ЧТО ОНИ БУДУТ ПРОКЛИНАТЬ ТВОЁ ИМЯ?

Вот тут Алдар запнулся. На одно мгновение. На один короткий вдох.

Он увидел их.

Не глазами — как-то иначе. Прямо в сознании вспыхнула картина: вереница лиц. Мужчины и женщины. Старики и дети. Те, кто ещё не родился. Те, кто никогда не выберет эту клятву. Они смотрели на него, и в их глазах не было ненависти. Только усталость. Страшная, бесконечная усталость, которую они ещё не прожили, но уже чувствовали.

И среди них — размытый силуэт. Последний. Мужчина, в котором соберутся все голоса. Который сломается под их тяжестью. Которого будут бояться и ненавидеть.

Рядом с ним — тень. Женщина. Она держит его за руку.

Алдар моргнул. Видение исчезло.

— Понимаю, — сказал он. Голос не дрогнул. — Я согласен.

Камень под ладонью стал горячим.

Мгновенно. Как будто кто-то разжёл костёр прямо под алтарём. Жар хлынул в ладонь, в руку, в грудь. Он был не обжигающим — он был пожирающим. Он вытеснял холод из костей, заменяя его чем-то другим. Не теплом. Присутствием.

Алдар почувствовал, как что-то входит в него. Не через кожу — глубже. Через что-то, у чего нет названия. Это было похоже на то, как если бы в комнату, где ты жил всю жизнь,

вошёл кто-то ещё. И ты понимаешь: теперь ты здесь не один. Никогда не будешь один.

Он слышал крик Эйрика — далёкий, как сквозь толщу воды. Он слышал свой собственный пульс — медленный, тяжёлый, как шаги по длинному коридору. Он чувствовал, как что-то вписывается в его кровь, в костный мозг, в то, что он передаст сыновьям, а те — своим сыновьям. Клятва становилась частью его тела. Частью его рода.

Он не закричал.

Он принял это.

Когда всё закончилось, он убрал ладонь.

На чёрном камне остался след — отпечаток его руки, выжженный навечно. Линии жизни, линии судьбы, шрам через левую бровь — всё отпечаталось в камне, как в воске.

Свою ладонь Алдар сжал в кулак. Кожа была чиста. Ни следа. Но внутри что-то изменилось навсегда.

Он встал. Ноги держали. Сердце билось. Он был жив.

— Ты записал? — спросил он. Голос прозвучал хрипло, как после долгого крика. Но он не кричал.

Эйрик сидел на полу у входа. Свиток выпал из его рук и раскатился по камням. Старик смотрел на Алдара так, как смотрят на человека, который только что вышел из огня.

— Запиши, — повторил Алдар. — Каждое слово.

— Я... я не могу. Мои руки...

— Тогда запомни. И запишешь позже.

Он повернулся и пошёл к выходу. У трещины в скале оста-

новился и бросил через плечо:

— Она придёт. Я видел её.

— Кого? — прошептал Эйрик.

— Ту, которая всё исправит. Не мечом. Просто останется рядом.

— Откуда ты...

— Я видел, — повторил Алдар. — Она придёт через тысячу лет. И ты должен оставить запись. Чтобы она знала: её ждали.

Он вышел в серый свет.

Ветер ударил в лицо — солёный, ледяной, живой. Море всё так же билось о скалы. Небо всё так же висело низко и тяжело. Мир не изменился.

Но Алдар чувствовал: теперь он не один.

Где-то глубоко внутри, под сердцем, что-то дышало. Не больно. Не страшно. Просто — присутствие.

— Первый, — сказал он вслух. Ветер унёс слово.

Он не знал, услышал ли его кто-то. Но камень в пещере помнил. Камень ждал.

Где-то далеко, за тысячу зим и тысячу вёсен, женщина по имени Илана ещё не родилась. Она ещё не знает, что ей предстоит. Она ещё не знает, что станет последней.

Но камень помнит её.

Камень ждёт.

Глава 2. Голос отца

Через сорок лет после клятвы Алдара

Сначала Эдвин почувствовал запах.

Именно запах разбудил его — не звук, не свет, не прикосновение. Запах старого костра. Так пахнет пепелище через несколько дней после пожара: уже не дым, ещё не земля, а что-то среднее — сухое, горькое, мёртвое.

Эдвин открыл глаза.

Спальня тонула в темноте. Тяжёлые шторы были задёрнуты — он всегда задёргивал их перед сном, даже в летние ночи. Жена смеялась над этой привычкой. «Ты спишь как в склепе», — говорила она. Может, она была права. Может, он знал, к чему готовиться.

Он лежал неподвижно. Одеяло — шерстяное, колючее, с вышитым гербом — давило на грудь. Воздух в комнате был спёртым. Кроме запаха гари, в нём появилось что-то ещё. Что-то влажное и холодное. Так пахнет земля, вынутая из могилы.

Эдвин сел.

Он знал этот запах. Девять лет назад, когда хоронили отца, шёл дождь. Могильщики вычерпывали воду из ямы вёдрами, ругались, скользили по глине. А он стоял и смотрел,

как комья земли падают на крышку гроба, и вдыхал этот самый запах — мокрой земли, прелых листьев, чего-то древнего и сырого, что живёт глубоко под корнями.

Теперь этот запах был здесь. В его спальне. За сорок миль от отцовской могилы.

Он отдёрнул полог.

Кресло у камина было занято.

Камин не горел уже много часов — только горка пепла, и среди неё один уголёк, ещё красный, как открытый глаз. Этого света хватало, чтобы разглядеть фигуру. Она сидела спокойно, нога на ногу, руки на подлокотниках. Знакомая поза. Так отец сидел на советах — расслабленно, почти лениво, но все знали: это поза человека, который может вскочить и перерезать глотку быстрее, чем договоришь фразу.

Гость был в той же одежде, в которой его похоронили. Синий камзол с серебряным шитьём. Эдвин помнил, как выбирал его — лучший портной, лучшая ткань, лучшая работа. Сейчас камзол выглядел так, будто его только что вынули из земли. Влажный. Местами тронутый плесенью. На левом плече — пятно, которого не было.

Эдвин сглотнул.

— Отец?

— Девять лет, — сказал гость. Голос был глухим, как из-под земли. — Ты стал старше. Я тоже.

Он пошевелился. Ткань камзола издала влажный, чавкающий звук. Эдвин почувствовал, как к горлу подступает тош-

нота — не от страха, а от этого звука. От запаха. От неправильности происходящего.

Но он не отвёл взгляд. Он помнил урок отца: «Смотри на то, чего боишься. Если отвернёшься — оно ударит».

— Ты мёртв, — сказал Эдвин.

— Я клятва, — ответил отец. — Клятвы не умирают. Они ждут.

Он подался вперёд. Красный уголёк в камине вспыхнул на секунду ярче и осветил лицо. Оно было лицом Алдара — те же резкие скулы, тот же шрам через бровь, та же кривоватая улыбка. Но что-то было не так. Что-то в глазах. В них не было гниения. В них была ясность. Страшная ясность человека, который уже всё понял и теперь только наблюдает.

— Ты знаешь правила? — спросил отец.

— Нет.

— Их нет. Я буду приходить, когда захочу. Говорить, что захочу. Ты будешь слушать. Иногда я буду давать советы. Иногда — молчать. Иногда ты не сможешь отличить мой голос от собственных мыслей. Это плата. За сорок лет покоя.

Эдвин молчал. В висках начинало стучать — не сердце, а что-то глубже, под черепом, как будто мозг сжимался и разжимался в такт дыханию. У него всегда так было при сильной тревоге: не сердцебиение, а это внутреннее давление, эта пульсация где-то за глазами. Он ненавидел это ощущение с детства.

— Ты поэтому заключил клятву? — спросил он, стараясь,

чтобы голос звучал ровно. — Чтобы приходить к потомкам и пугать их до смерти?

Отец усмехнулся. Усмешка вышла невесёлой.

— Я заключил её, потому что боялся. Боялся, что всё развалится. Что вы передерётесь. Что королевство, которое я строил вот этими руками, — он поднял ладонь, и Эдвин увидел, что ногти у призрака чёрные, с запёкшейся землёй, — снова станет просто землёй.

— И как? Помогло?

— Сорок лет стоит. — Отец опустил руку. — А дальше зависит от тебя.

Он встал. Движение было медленным, но не слабым. Так двигается не старик — так двигается хищник, который никуда не торопится. Он подошёл к окну. Шторы были задёрнуты, но он не стал их открывать. Просто встал рядом, глядя сквозь ткань, будто видел то, чего не видел Эдвин.

— У тебя хорошая жена, — сказал он. — Я рад, что ты её нашёл.

Эдвин напрягся.

— Она родила тебе сыновей. Она держит двор в порядке. Она смеётся над твоими привычками.

— Откуда ты...

— Я же сказал: я наблюдаю. Девять лет. И ещё сорок до этого. Я видел, как ты рос. Как женился. Как принял корону. Я ждал, когда клятва проснётся в тебе. Ты оказался крепче, чем я думал. Девять лет — это много. Я начал слышать сво-

его отца на третий день.

Эдвин молчал. Пульсация в висках усилилась. Ему хотелось потерять глаза, но он не шевелился. Нельзя показывать слабость. Даже мёртвым. Особенно мёртвым.

— Зачем ты здесь сейчас? — спросил он. — Не просто же поздороваться.

Отец обернулся. Лицо его было в тени, но Эдвин чувствовал взгляд. Тяжёлый. Оценивающий.

— Предупредить, — сказал он. — Дальше будет хуже. Нас станет больше. Не только я. Скоро ты услышишь деда. Потом прадеда. Они не такие, как я. Некоторые из них — чудовища. Некоторые — жертвы. Но все они будут говорить. И ты не всегда сможешь понять, кто из нас прав, а кто лжёт.

— А ты? Ты прав или лжёшь?

Отец помолчал.

— Я пока что прав, — сказал он. — Но это не навсегда.

Он подошёл ближе. Запах могильной земли усилился. Эдвин почувствовал, как холод подступает к кровати — не сквозняк, а именно холод, исходящий от фигуры в синем камзоле. Холод, от которого немели пальцы и тяжелел язык.

— Береги жену, — сказал отец. — Она тебя держит. Она — твой якорь. Если потеряешь её...

— То что?

Отец наклонился. Близко. Очень близко. Эдвин увидел своё отражение в его глазах — крошечное, искажённое.

— То останешься только с нами, — прошептал отец. —

Навсегда.

Он выпрямился. Отступил в темноту.

— Я ещё приду.

— Когда?

— Когда ты меньше всего будешь ждать.

И исчез. Не растворился в воздухе — просто перестал быть. Запах ушёл вместе с ним. Остался только холод в комнате. Только пепел в камине. Только пульсация в висках.

Эдвин сидел на постели и смотрел в пустоту. Сердце билось ровно — он проверял. Но под черепом, где-то за глазами яблоками, всё ещё пульсировала тупая боль. Он знал, что не уснёт до рассвета.

За окном шёл дождь. Капли стучали по стеклу — размеренно, монотонно, как чужие шаги по каменному полу. Эдвин слушал их и думал о жене. О том, как она спит в соседней комнате — теплая, живая, ничего не знающая. О том, как она смеялась вчера за ужином. О том, как наклонилась к нему и прошептала: «Ты сегодня сам не свой».

Он ничего ей не расскажет.

Не сейчас.

Может быть — никогда.

Он ещё не знает, что через три месяца голос отца скажет ему: «Она тебя предала».

Голос отца солжёт.

Но в тот момент Эдвин не сможет отличить правду от лжи.

Потому что проклятие — это не когда тебе лгут.

Проклятие — это когда ты веришь.

Глава 3. Хроника безумия

От Эдвина до Эйдана — шесть поколений, четыреста лет,
сорок три голоса в одной голове

I. Эдвин

Эдвин держалс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.